

Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания¹

Языки иранской семьи, носители которых расселились по разным регионам Евразии, контактировали с носителями языков других семей и между собой, наслаивались на разные субстраты и подверглись значительной типологической перестройке. Это представляет немало трудностей для их сравнительно-генетического изучения. В статье рассматриваются: 1) ареальная и темпоральная стратификация праиранского языка, представлявшего диалектный континуум; 2) этапы филиации арийской «ветви» индоевропейской семьи, приведшие к выделению праиранского; 3) генетическое членение иранской семьи; 4) вопросы методики сравнительно-исторической реконструкции.

Иранская языковая семья, входящая (через определенные промежуточные этапы) в большую индоевропейскую в виде ее «ветви», при всей, казалось бы, прозрачности генетических позиций как отдельных составляющих ее языков, так и семьи в целом, создает еще немало проблем в изучении ее истории. Это относится к исследованию иранских языков в сравнительно-историческом, историко-типологическом и ареальном аспектах. В какой-то мере трудности изучения истории этих языков связаны с трудностями разграничения генетического, типологического и ареального компонентов, стимулирующих диахронические изменения. Последнее обстоятельство диктуется внешней историей языков, составляющих данную семью: иранские языки — живые и зафиксированные в памятниках, — будучи индоевропейскими, оказались разбросаны по огромным территориям Евразии, причем ни в одной из областей их нынешнего распространения они не являются аборигенными. Отсюда — языковые контакты различного типа, воздействие различных субстратов, адстратов, суперстратов, не исключая, впрочем, спонтанных процессов, общих генетически и типологически с другими индоевропейскими языками Европы и Азии.

Кроме того, определение хода истории каждого конкретного языка затруднено тем, что основная часть вымерших языков не имеет современных продолжений, а современные языки не имеют древних памятников письменности. В качестве образцов «прямой преемственности» можно назвать лишь две линии: 1) древнеперсидский — среднеперсидский — современные персидский, таджикский, дари; 2) согдийский — ягнобский. Однако и здесь мы имеем дело с продолжениями диалектов, не отраженных памятниками письменности более раннего состояния.

В настоящей статье предполагается обратить внимание читателей на некоторые проблемы истории иранских языков, существенные, как представляется, не только для иранистики, но и для диахронического изучения других индоевропейских языков Европы и особенно Азии. Большая часть этих проблем была рассмотрена в ирановедческой литературе разных лет, однако теперь, когда подводятся итоги лингвистических исследований второй половины XX века и намечаются перспективы сравнительного изучения языков XXI века, имеет смысл заново обратиться внимание на определенный комплекс проблем, связанных с историей иранской языковой семьи в целом и в отдельных ее компонентах.

Известно, что сравнительно-историческое иранское языкознание, которое с самого зарождения в начале XIX века формировалось и развивалось в русле индоевропейского языкознания [АБАЕВ 1962: 3], продолжалось в традициях историко-генетических исследований и в XX веке. Следует подчеркнуть, что в нашей стране эти традиции не исчезали даже в годы запрета на индоевропеистику и на все, что с нею было связано. (В тот период оперирование понятиями генетического родства языков требовало немалого мужества, которое проявлял, например, в конце 40-х — начале 50-х годов проф. Б. В. Миллер при чтении курса «Введение в иранскую филологию» на Филологическом факультете МГУ.)

При этом сохранение традиций не препятствовало прогрессу сравнительно-исторической иранистики, впитывавшей то новое, что давала лингвистическая теория и практика XX в. Так, бурное развитие описательной грамматики, постоянно вводящей в научный обиход неизученные или слабо изученные прежде иранские языки и диалекты, помимо накопления огром-

¹ Этимологическая база данной статьи создавалась в ходе разработки корпуса *Этимологического словаря иранских языков*, работа над которым финансируется РГНФ, проекты №№ 02-04-00071, 05-04-04170, 08-04-00198.

ного нового языкового материала, способствовало выработке подхода к языку в его синхронном состоянии как к определенной системе. Это сказалось и на исторических исследованиях, в частности, на представлении реконструируемых единиц и фрагментов предшествующего состояния (одного языка или праязыка для группы языков, либо семьи в целом) как элементов некоей системы, связанных между собой определенными отношениями. Были учтены, в частности, достижения фонологии, что позволило впоследствии внести определенные коррективы в представление о сути таких необходимых понятий сравнительно-исторического исследования, как «фонетический закон» и «звукосоответствия». Были более четко сформулированы различия между фонетическими изменениями и/или тенденциями в прошлых состояниях языка и последующей фонологизацией (или ре-фонологизацией) фонетических элементов и их отношений, образовавшихся в результате этих процессов; были уточнены различия между соответствиями фонем и частичными соответствиями позиционных вариантов и т. д.

Большую помощь компаративистическому изучению иранских языков оказал осознанный учет результатов их исследования в типологическом (включая синхронную и диахроническую типологию, как структурную, так и континентальную, см. [ОИТИИЯ 1975]) и ареальном аспектах [РАСТОРГУЕВА 1964]; [ЭДЕЛЬМАН 1968]. Тем самым применение в сравнительно-исторических штудиях результатов исследования языков другими методами, а также учет достижений теоретической лингвистики XX в., способствовали тому, что в методическом плане сравнительное иранское языкознание конца XX в. не оставалось на уровне XIX в. и даже первой половины XX века.

Помимо сравнительно-исторического изучения языков иранской семьи в целом или языков в пределах отдельных «ветвей», развивалось также сравнительно-историческое описание каждого иранского языка по отдельности, результатом чего явилось многотомное издание «Основы иранского языкознания» [ОИЯ 1979–2008], в котором такое освещение получил практически каждый из известных иранских языков — живых и вымерших. (Следует заметить, что в плане системности синхронного анализа и глубины исследования истории большинства языков, включая «малые» бесписьменные, этот труд намного четче и современнее — в хорошем смысле этого слова, — чем сопоставимый по времени обобщающий компендиум [СЛИ 1989]).

Все это способствовало более глубокому и реалистичному подходу к сравнительно-историческим штудиям в иранистике и сказалось на интерпретации и реинтерпретации ряда диахронических законов и частных трансформаций.

Рассмотрим основные из них.

I. Реконструкция общеиранской праязыковой системы.

Как известно, классическая иранистика XIX (и это продолжилось в начале XX века), как и классическая индоевропеистика того периода, в реконструкциях отдельных элементов праязыковой системы и целостной прасистемы базировалась в основном на материале языков древних памятников. Филологический метод был тогда решающим, и сама методика компаративистики зарождалась и совершенствовалась на благодатном для этого материале древних индоевропейских языков. Данные живых языков использовались в этих целях в значительно меньшей степени, причем привлекались в основном «большие» языки, имевшие письменную традицию и лучше изученные. Из многочисленных живых иранских языков, особенно «малых» бесписьменных, только часть имела тогда первые описания и публикации материалов, иногда в очень несовершенной записи; часть языков была практически известна только по названию, а некоторые еще не были даже открыты. Не были известны тогда и письменные памятники некоторых вымерших языков (согдийского, хорезмийского, бактрийского, сакского, парфянского).

В этот период реконструкция древней фонетической системы (и отчасти фонологической, хотя этот аспект еще не был сформулирован), морфологии, элементов лексики (включая праязыковые корни, основы или слова) базировалась на свидетельствах древних же иранских языков — авестийского и древнеперсидского — и считалась наиболее архаичной, общеиранской, лежащей в основе истории всех иранских языков. Известный к тому времени материал более поздних языков, вымерших и живых, не противоречил в целом этой системе, а случаи отражения в этих языках древних элементов, не вписывающихся в традиционную реконструкцию, еще не привлекали к себе достаточного внимания (хотя и констатировались иногда как интересные факты), а иногда рассматривались как инновации. Единственным исключением конца XIX в., результаты которого частично сказались на иранистике начала XX в., была праиранская реконструкция Хр. Бартоломе [ВАРТОЛОМАЕ 1895–1901], который кроме древних иранских языков

(с учетом также древнеиндийских данных), принимал во внимание и показания поздних языков, включая живые, хотя установленные им закономерности также относятся больше к древним иранским языкам, чем к более поздним. В методическом плане — четким разграничением двух систем: 1) праязыковой системы и 2) той древнеиранской, которая зафиксирована в языках древних памятников, — Хр. Бартоломе намного опередил не только современников, но и многих историков языка последующих периодов. (В трудах отдельных исследователей даже середины XX в. в качестве прототипа того или иного слова современного языка дается авестийское слово.). Подробнее об этом см. [РАСТОРГУЕВА, ЭДЕЛЬМАН 1981, 123–124]).

Дальнейшее приращение материала вымерших языков не-древнего периода и живых языков, особенно бесписьменных «малых» языков и диалектов, усилившееся в 20-е — 30-е годы XX в. и продолжающееся поныне, с одной стороны, и историко-лингвистическое осмысление этого материала, — с другой (см., например, труды Э. Бенвениста, В. Хеннинга по согдийскому языку, труды В. И. Абаева по осетинскому [АБАЕВ ОЯФ]; [ИЭСОЯ], Г. МОРГЕНСТЕРНЕ по бесписьменным языкам Памиро-Гиндукушского региона [MORGENSTIERNE PFL], [EVSh], [ID] и многие другие), — обусловили новую ступень развития компаративистических исследований языков иранской семьи. Это сказалось не только на выявлении места этого материала в общей схеме развития иранской и шире — арийской языковой семьи, но и на коррекции самой схемы филиации арийской языковой общности, а также на коррекции реконструируемых протосистем праарийского и праиранского состояния (см. об этом ниже).

Обнаружилось, что некоторые «отклонения» в живых и вымерших языках (даже имеющих большую традицию изучения) от «классической» схемы развития обусловлены не инновациями, а сохранением архаизмов, либо развитием особых рефлексов архаичного состояния, отличных от традиционно признаваемых.

Так, например, в числительном «тринадцать» в среднеперсидском языке *sēzdah* {*syčdh*} и в его продолжениях — классическом персидском и таджикском: кл. перс. *sēzdah*, тадж. *sezdah* «тринадцать», — появление *-z-* традиционно считается результатом аналогии в среднеперсидском с числительным ср.-перс. *pānzdah* ({*p'nčdh*}, ман. {*p'nzdh*}), «пятнадцать». Это выглядит несколько странным, поскольку в промежуточном числительном «четырнадцать» (ср.-перс. *čahārdah* {*čh'ldh*}, кл. перс. *čahārdah* и тадж. *čahordah*, *čordah* из праиран. **čatvar-daša-* > др.-перс. **čathvar-daθa-*) вставной *-z-* не появляется. Кроме того в самом ср.-перс. *pānzdah* «пятнадцать» и его продолжениях: кл. перс. *pānzdah*, тадж. *ponzdah*, — развитие консонантной группы *-nz-* является исключением из историко-фонетического правила отражения здесь древней группы **-nč-* в виде *-nč-*, см. [РАСТОРГУЕВА, МОЛЧАНОВА 1981, 78]). Скорее можно предположить, что ср.-перс. *pānzdah* «пятнадцать» продолжает сочетание *panča-ča daša, букв. «пять-и десять» (как и большинство других числительных этого разряда, продолжающих сочетания с энклитическим союзом **-ča* «и») при последующей утрате первого **-ča-* (исхода основы) в результате гаплогии.

В таком случае ср.-перс. *sēzdah* (> кл. перс. *sēzdah*, тадж. *sezdah*) «тринадцать» может либо иметь срединное *-z-* из того же соединительного союза **-ča* (аналогично некоторым другим числительным), либо продолжать еще более раннее сочетание. В праарийских прототипах двусловных числительных, кроме композитов и сочетаний с соединительным союзом, были и сочетания полноформенных слов типа арийск. *trajas daća (ср. ведич. *tráyo-daša-*). В праиранском они могли продолжиться в виде сочетания *trajah daša, отразишегося в части языков как **traj(a)-daša*, или — при раннем сращении общеарийского сочетания **trajas + daća* — в виде праиранского диалектного композита *trajaz-daša (с озвончением *s > *z перед звонким *d). Продолжением последнего и могут являться ср.-перс. *sēzdah*, кл. перс. *sēzdah*, тадж. *sezdah* «тринадцать».

Было замечено также, что иранские языки, особенно бытующие (либо бытовавшие) в изолированных ареалах, включая «малые» бесписьменные живые языки, хранят иногда рефлексы более архаичного состояния, чем то, которое зафиксировано в древних памятниках, либо выявляют свои собственные инновации, не прошедшие через те этапы, через которые прошли инновации древних языков. А это дало возможность существенно откорректировать общеиранскую праязыковую фонетическую и фонологическую системы (и определить различия между ними), которые оказались более архаичными, чем системы языков древних памятников. Это обстоятельство помогло уточнить действительно праиранский облик реконструируемых словоформ, основ, корней и некорневых морфем, то есть фрагменты праязыковых морфолого-синтаксической и лексической подсистем.

Так, например, традиционно в иранистике считалось (и это положение попало в некоторые индоевропеистические труды), что праиранскими рефлексами позднеиндоевропейских палатальных

согласных $*\hat{k}$, $*\hat{g}$, $*\hat{gh}$ являются «свистящие» $*s$, $*z$, что объединяет иранские языки со славянскими. Однако материал иранских языков показал, что это не совсем так — свистящие $*s$, $*z$ наследовали палатальным не во всех фонетических позициях: яркое исключение — отражение их в виде шипящих в соседстве с согласными — свидетельствует о более раннем шипящем характере рефлексов, ср., например, и.-е. $*oktō(u)$ «восемь» > др.-инд. $aṣṭā$, $aṣṭāu$, праиран. $*aštā-$, $*aštāu$. Кроме того ассимиляция рефлексов палатальных не была синхронной во всех диалектах древнеиранского континуума. Свистящими они станут (но не в составе консонантных групп) в большинстве языков позднее, причем этот процесс, характерный для центрального ареала, не в полной мере охватит окраинные ареалы иранского континуума. В наиболее раннем общеиранском состоянии это были мягкие шипящие — глухая $*ś$, сходная с древнеиндийской, и звонкая $*ž$. В дальнейшем в большинстве языков и диалектов центрального ареала они переходят в $*s$, $*z$, но в окраинных ареалах представляющие их звукотипы дольше сохраняют иное, мягкое шипящее звучание. Именно этим можно объяснить их переход (кстати, давно установленный) в древнеперсидском соответственно в θ и $*\delta$ (с отражением последнего в клинописных памятниках в виде d). Ср., например, отражение $*\hat{k}$ в и.-е. $*dekṃ-t$ «десять»: праиран. $*daśa-$ > авест. $dasa-$, шугн. $δīs$, пушту las , осет. $dæš$ и т. д., но др.-перс. $*daθa-$ > совр. перс. $dāh$. В другом окраинном ареале — в скифо-осетинской группе диалектов — произошло совпадение $*ś$ с рефлексами $*š$ и затем с $*s$ в единую фонему, о чем свидетельствует сегодняшний фонологический статус s в осетинском (как единственной глухой фонеме-субиланта, не противопоставленной $š$, но реализующейся по диалектам в виде свистящих, свистяще-шипящих и шипящих звукотипов). Этим же объясняется сохранение шипящей артикуляции рефлексов $*ś$ в группе $*śu$ в третьем окраинном ареале — в сакско-ваханской ветви восточноиранских языков, ср., например, отражение и.-е. $*ekwo-s$ «конь, лошадь» > праарийск. $*acya-$ > праиран. $*aśya-$, откуда хот.-сак. $aśsa-$, вах. $yaš$, при авест. $aspa-$ [MORGENSTIERNE PFL II: 469]; [BAILEY DKS: II]; [СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ ЭСВЯ: 422]; [ЭСИЯ I: 243–246]. Характерно также отражение праиранского $*śu$ > др.-перс. s (например, др.-перс. $asa-$ «конь, лошадь» в составе композита $asa-bāra-$ «всадник»), в отличие от праиранского $*sp$, отражающегося всегда в виде др.-перс. sp .

Традиционно считалось (на основании показаний древнеперсидского и авестийского языков), что в число основных генетических черт, отличающих иранские языки от индоарийских, входит отражение праарийских глухих придыхательных согласных $*ph$, $*th$, $*kh$ в виде праиранских глухих щелевых $*f$, $*θ$, $*x$, в отличие от древнеиндийского, где они сохраняются как смычные придыхательные. Более пристальное внимание к иранским языкам разных эпох и разных ареалов, а также учет различий между фонетическими тенденциями и фонологизацией их результатов (либо отсутствием такой фонологизации) показали, что, даже отвлекаясь от того известного ныне факта, что серия глухих придыхательных не была фонологизирована в общеарийском состоянии, случаи артикуляции глухих смычных с придыханием далеко не во всех иранских языках приводили к их спирализации.

Ряд языков сохранил их смычное произнесение и соответствующее последующее развитие. К тому же в тех языках, где эта спирализация произошла (главным образом, в языках западноиранской ветви, но и спорадически в некоторых восточноиранских), она выявляет иногда лексически и фонетически (т. е. позиционно) закрепленные варианты со спиральным или со смычным согласным в прототипе. Во-первых, характерно отсутствие спирализации глухих в позиции после $*s$ и перед сонорными после носовых, забиравших себе часть воздушной струи (что свидетельствует кстати о слабости элемента аспирации в праарийских диалектах, легших в основу иранского континуума). Во-вторых, часть языков указывает на отсутствие спирализации в прототипах и в других позициях. Ср., например, авест. $kaofa-$ «гора, горб животного», др.-перс. $kaufa-$ > перс. kuh «гора», мундж. $kifa$ и др., где $f < *p(h)$, но пушту kup «сгорбившийся», $kubay$ «горбатый (о животном)», вах. $kəp$ «горб», язг. $kəp$, ст.-вандж. kup , kub «камень; гора, скала» и др., восходящие в конечном счете к и.-е. $*keu-p$. Особенно богата исключениями анлаутная позиция, где в разных языках сказывались разные тенденции к анлаутной интенсивности артикуляции (включая тенденцию к смычности или к аспирации глухих согласных), то есть отражение элементов фонетической и фонологической синтагматики, в частности, пограничных сигналов слова.

В числе общеиранских праязыковых черт традиционно называлась также спирализация праарийских глухих смычных в позиции перед согласными и неслоговыми вариантами сонантов, то есть переход в этой позиции (в условиях отсутствия следов аспирации) $*p$, $*t$, $*k$ в щелевые $*f$, $*θ$, $*x$ (типа $*pr > *fr$; $*tr > *θr$; $*kr > *xr$), однако и здесь мы можем говорить скорее о фонетической тенденции, чем об общеиранском фонологическом законе: многие языки

(особенно восточноиранские) выявляют следы сохранения смычности глухими согласными в этой позиции в древних диалектах. Эти следы выявляются в виде сохранения либо самого смычного согласного, либо элемента смычки в рефлексах консонантной группы. Ср. авест. *puθra-* «сын», др.-перс. *puça-* < **puθra-*, йидга *pūl, pūr*, сак. *pūrā* < **puθra-*, но вах. *pətr*, шугн. *pus* «сын» < **putra-*; то же в рефлексах числительного «три»: ягн. *tiray, si/aray* (где диалектные варианты с *t — s* продолжают праягнобское **θ*) < **θrai-*, шугн. *aray* «три» < **θrai-*, но в близкородственном шугнанскому язг. *cūy* < **trai-* (с сохранением элемента смычки), вах. *truy* < **trai-*. Это указывает на относительно поздние случаи спирализации, разделяемые даже не всеми языками одной и той же генетической группы. (Подробнее о статусе глухих щелевых в праиранском см. [ЭДЕЛЬМАН СГВЯ-Ф: 54–56, материал 139–142, 166–168, 186–187]).

В определенном уточнении нуждается также тезис об совпадающем отражении двух серий арийских звонких — придыхательных и непридыхательных — в единую праиранскую серию звонких смычных непридыхательных, т.е. **bh, *b > *b; *dh, *d > *d; *gh, *g > *g* с сохранением их впоследствии в начале слова в западноиранских языках в виде смычных **b-, *d-, *g-* и спирализации в восточноиранских в щелевые **v-, *δ-, *γ-*. Как показывает материал, разделение будущего иранского континуума на ареальные группы происходило в очень ранний период, когда аспирация еще была актуальна, а фонологическая оппозиция «смычная — щелевая» для звонкой серии еще не выработалась. В восточной части континуума (дольше контактировавшей с индоарийскими языками) аспирированные **bh, *dh, *gh* сохранялись дольше и могли уподобить себе неаспирированные. При этом арийские звонкие согласные аспирированной серии могли реализоваться как спиранты [**v-, *δ-, *γ-*] (подробнее о спирантной реализации аспирированных еще в позднем индоевропейском состоянии см., например, [КНОВЛОСН 1965: 153]; [СЕМЕРЕНЬИ 1980: 159], в индоарийских языках [ЕЛИЗАРЕНКОВА 1974: 181]). В западной части праиранского континуума аспирация звонких утрачивалась ранее, и направление уподобления было обратным, имея результатом [**b-, *d-, *g-*].

Тем самым, в целом справедливый тезис о совпадении двух серий праарийских звонких смычных согласных — придыхательных и непридыхательных, то есть **bh* и **b; *dh* и **d; *gh* и **g* в праиранскую единую серию звонких согласных, обозначаемую обычно **b, *d, *g*, — носит фонологический характер: при отсутствии в тот период оппозиции «смычные — щелевые» это была единая «совпавшая» серия звонких согласных, которая могла реализоваться и реализовалась в анлауте на фонетическом уровне в разных ареалах неодинаково. В западном ареале преобладала смычная артикуляция (наследующая неаспирированным и усиленная тенденцией к анлаутной интенсивности в виде смычности звонких), в восточном — щелевая (наследующая аспирированным). И только позднее, после становления оппозиции «смычные — щелевые» — в уже разделившихся языковых группах и даже отдельных языках, оказалось, что в языках западной и восточной групп начальные звонкие согласные включены в противоположные члены этой оппозиции. Срединная позиция, особенно интервокальная, способствовала фонетической спирализации звонких (с последующим соответствующим фонологическим отождествлением), позиция после **n* — их смычному отражению, и это в большинстве языков обеих групп.

Преимущественная связь звонких аспирированных и неаспирированных с их рефлексами (при разных направлениях их унификации) в разных диалектах праиранского континуума отразилась также в срединных консонантных группах, где просматриваются дальние следы действия «закона Бартоломе», актуального для общеарийского состояния. Здесь также совпадение двух серий арийских звонких согласных в западных диалектах вызывало их унификацию по типу неаспирированных (то есть в виде смычных), в восточных — по типу аспирированных (то есть в виде щелевых), что сформировало впоследствии один из генетических признаков противопоставления западных и восточных иранских языков (см. ниже).

Имеются и другие уточнения и исключения из историко-фонетических (практически — историко-фонологических) признаков, традиционно считавшихся общеиранскими.

Таким образом, уже на основании историко-фонетических и историко-фонологических данных ясно, что праязыковое состояние предстает в виде не единого «ствола» генеалогического древа, а в виде континуума диалектов, с относительно «продвинутым» центральным ареалом и до некоторой степени архаичными (или развивавшимися несколько иными путями) маргинальными, окраинными. Существенными были и различия между древними диалектами западной и восточной зон. Отдельные историко-фонологические изоглоссы (причем достаточно древние) отделяли также древние диалекты юго-западной зоны от всех остальных,

диалекты юго-восточной зоны от других и т. д. (Эту «немонолитность», в которой возможны еще расхождения и схождения мелких диалектов, я постаралась отразить в схеме 1, см. ниже).

Отмечаются и другие признаки раннего и постепенного членения праиранского континуума, выявляющиеся на более высоких уровнях языковых систем иранских языков, включая морфологию, лексику, семантику. При этом и здесь материал живых языков и диалектов, особенно окраинных (или, во всяком случае, изолированных в силу природных или социальных условий), предоставляет иногда сведения о более архаичном праиранском уровне, чем древние языки. Это касается как определенных подсистем, так и частных фактов, например, наличия или отсутствия определенных лексем в праязыковую эпоху.

Так, живые «малые» языки Памиро-Гиндукушского региона (большинство памирских, мунджанский) донесли до нас трехсерийную бицентрическую систему указательных местоимений типа латинской (то есть с ориентацией как на пространственную сферу говорящего, так и на сферу собеседника), реконструированную для индоевропейского состояния еще К. Бругманом (*Ich-Deixis*, *Du-Deixis*, *Jener-Deixis*, с выполнением последним также функций *Der-Deixis*) и утраченную затем в подавляющем большинстве индоевропейских языков с трансформацией ее в двухсерийную моноцентрическую (т. е. с отсчетом только от сферы говорящего), типа «этот — тот». Характерно, что в указанных живых иранских языках сохраняются не только материальные рефлексy древних местоимений всех трех серий (они имеются и в других иранских языках, например, в пушту, согдийском), но и их основные функциональные нагрузки (подробнее см. [Беликов 1972]; [Эдельман 1976]; [СГВЯ-М: 220–225]; [Юсуфбеков 1998]).

Особую роль в истории иранских языков сыграло отсутствие в общеиранском состоянии глагола с абстрактной семантикой «иметь». Выработка его в последующие периоды из глагола **dar-*, обозначавшего прежде «держатъ, схватывать», охватила не все иранские языки. Часть живых языков сохранила за этим глаголом только древний круг значений, и благодаря этому мы можем проследить механизм развития не только лексических, но и морфолого-синтаксических последствий такого семантического архаизма (например, создание эргативообразных конструкций с переходными глаголами в прошедших временах, которым посвящена большая литература; развитие связочных оборотов разного типа и др.).

В реконструкции определенных слов, словоформ, словоизменительных и словообразовательных моделей, установлении относительной хронологии их продуктивности и степени их распространенности по ареалам также наблюдаются интересные свидетельства живых языков (включая «малые» бесписьменные) и диалектов. Например, реконструируемое на основании письменных памятников и современных «больших» языков обозначение «пальца» (руки или ноги), находящее аналогию в древнеиндийском, является индоиранским вторичным построением: оно соответствует модели превосходной степени и первоначально обозначало «большой палец» — праиран. **angušta-*, **angušti-*. При этом некоторые живые иранские языки, не очень близкие друг другу генетически и бытующие в не соприкасающихся ареалах, хранят рефлексy более раннего — индоевропейского образования, имеющего параллели (с различной семантикой) в других индоевропейских языках, — праиран. **anguli-*, **anguri-*. Из этого обстоятельства можно заключить, что в общеиранском состоянии сосуществовали (по диалектам?) два обозначения «пальца» — более архаичное **anguli-* и относительно новое (но тоже доиранское) **angušta-*. Имеются и другие, более частные примеры сохранения в «малых» окраинных или изолированных языках и диалектах архаизмов, не зафиксированных в древнеиранских памятниках или утраченных ко времени их создания (примеры см. [Эдельман 1996]).

Для характеристики общеиранской лексической системы существенны и иные, «отрицательные» в этом плане свидетельства. К ним относятся, например, слова, построенные в ряде языков (даже не очень близко родственных), бытующих в едином ареале, по единой (иногда субстратной) словообразовательной модели из единого же исконного материала, но не восходящие к общеиранской лексеме. Выявление таких слов не всегда просто, однако оно необходимо во избежание неоправданной проекции их прототипа на общеиранский экран. Таковы, например, личные местоимения 2 л. мн. ч. в ряде языков восточноиранского ареала (особенно входящих в Центральноазиатский языковой союз), построенные из исконного материала по субстратной модели.

Характерны прослеживаемые в лексике элементы диглоссии, которые могли быть в праязыковой период (о них см. ниже).

Все эти факты отсутствия монолитности общеиранского состояния помогают уточнить не только языковую систему диалектов, образывавших общеиранский праязыковой континуум, но

и этапы филиации арийской общности и затем иранской языковой семьи, о чем уже неоднократно приходилось писать [Эдельман 1982; 1992; 1996; 1999; 2002: 21 и сл.] и о чем будет сказано также ниже. Они же играют существенную роль в анализе хода истории конкретных иранских языков.

Таким образом процесс «распада» общеиранского праязыка и выделения из него определенных языков, диалектов, групп и подгрупп не был единовременным, «одноактным»: он начался, возможно, во времена выделения иранских диалектов из более ранних состояний — общеарийского и индоиранского (о них см. ниже) и не был единообразным и одновременным по всему ареалу праиранского континуума (см. об этом также [Оранский 1979: 119–121]).

От реконструкции общеиранской праязыковой системы зависит реконструкция других этапов развития иранских языков: а) ретроспективная реконструкция более ранних этапов, освещающая генетические отношения иранской семьи с другими арийскими и далее — с другими индоевропейскими языками, то есть этапы филиации более ранних общностей, приведшие к вычленению иранских языков, и б) проспективная — поэтапная филиация праиранского континуума и вычленение генетических групп, подгрупп и единичных языков.

II. Реконструкция этапов вычленения иранской языковой семьи из более ранних.

Наиболее сложным явилось выявление этапов вычленения иранской семьи из общеарийской, поскольку в традиционной схеме ставился знак равенства между общеарийским и индоиранским состоянием. К тому же общеарийской системе приписывался ряд черт, присущих на деле только древнеиндийскому, в частности, наличие упоминавшейся выше серии глухих придыхательных согласных фонем и некоторых других. Материалы открытых в первой половине XX века ряда живых и вымерших языков иранской семьи, а также живых языков, входящих в арийскую семью, но не относящихся генетически ни к иранским, ни к индоарийским, дали возможность более тщательной проработки тех инноваций, которые свидетельствовали о вычленении иранских языков из более ранних общностей.

Так, выявилось, что вопреки традиционной схеме, арийская общность распадалась не на две «подветви» — иранскую и индоарийскую (или «индийскую»), а как минимум на три или четыре: индоарийскую, иранскую, нуристанскую (традиционное название языков последней группы в начале XX века — «кафирские») и дардскую. Возможно были и другие группы и отдельные языки. Нуристанские языки, рассматривавшиеся раньше в ряде работ как «промежуточные» между индоарийскими и иранскими, оказались самостоятельной группой, рано отделившейся от других арийских, а дардские языки, традиционно считавшиеся генетическим дальним ответвлением от праиндоарийского, могли (все или часть из них) на раннем этапе составлять самостоятельную группу (или группы), не представлявшую ответвление ни одной из этих «подветвей», но входившую в древности в языковой союз с диалектами праиндоарийского [Коган 2000: 26–27; 2003: 99; 2005].

Основными свидетельствами этапов распада арийской общности являются (на данном этапе изученности) историко-фонетические (точнее, историко-фонологические) законы. Они указывают, что из известных нам языков первыми из общеарийского состояния выделились нуристанские, образовавшие генетически единую группу с общими материальными инновациями, и только позднее оставшийся континуум диалектов, который можно условно назвать собственно индоиранским, просуществовав какое-то время и выработав общие инновации, разделился на индоарийскую (или индийскую), дардскую и иранскую группы (либо на большее число групп, если учесть возможность бытования в прошлом не дошедших до нас языков). Об этом говорят следующие процессы:

Отражение поздних индоевропейских палатальных $*\hat{k}$, $*\hat{g}$, $*\hat{g}h$ различается в языках разных групп, причем их различия особенно отчетливо указывают на постепенность распада арийской семьи: 1) и.-е. $*\hat{k}$ через этапы раннеарийск. $*\acute{c}$ позднеарийск. $*\acute{c}$ отразился в виде пранурист. c (с отражением затем в виде s , z , то есть с продвижением палатальной аффрикаты $*\acute{c}$ вперед при сохранении аффрикатного характера), в то время как в собственно индоиранских языках позднеарийская $*\acute{c}$ утрачивала аффрикатность, продолжая сохранять палатальную реализацию в виде мягкой шипящей щелевой $*\acute{s}$: позднеарийск. $*\acute{c}$ > др.-инд. $*\acute{s}$, дард. $*\acute{s}$, праиран. $*\acute{s}$ (см. выше). Ср., например, и.-е. $*dek̑m-t-$ «десять»: нуристанские — язык кати duc , ашкун dus , прасун $läze$ (с закономерным отражением $*d > l$) «десять». То же в преконсонантной позиции: ср. и.-е. $*ok̑tō(u)$ «восемь» > раннеарийск. $*a\acute{c}tā(u)$ > позднеарийск. $*a\acute{c}ta(u)-$ > пранурист. $*acta(u)-$ (отразившееся в языке прасун в виде $\acute{a}stē$ «восемь» [Kuiper 1978: 101]), но индоиран. $*a\acute{s}ta(u)$ > др.-инд. $a\acute{s}tā$,

aštāu, праиран. **aštā-*, *aštāu. Аналогичным образом отражаются звонкие палатальные: и.-е. *ǵ > раннеарийск. *j > позднеарийск. *j > пранурист. *ṣ > *ṣ*, *z*, но др.-инд. *ṣ*, праиран. *z; и.-е. *ǵh > раннеарийск. *jh > позднеарийск. *jh > пранурист. *ṣ > *ṣ*, *z*, но др.-инд. *h*, праиран. *z. Подробнее об отражении палатальных в арийских языках см. [MORGENSTIERNE 1945: 228]; [BUDDRUSS 1977: 23 и сл.]; [ЭДЕЛЬМАН 1992: 56, 60–61]; [КОГАН 2005: 46 и сл.].

Имеются также следы других процессов в нуристанских языках, свидетельствующие об их относительно раннем отделении от арийской общности, когда индийские и иранские языки еще входили в относительное «индоиранское» единство. Например, для исторической фонетики и фонологии нуристанских языков характерны: отсутствие следов аспирации звонких и глухих согласных, ограничения действия правила *RUKI* и нек. др., для лексики — отсутствие ареальной инновационной модели построения местоимений 2 л. мн. ч. и ряд других.

В результате схема этапов филиации арийской общности, изображенная в [ЭДЕЛЬМАН 1992; 1999: 13] выглядит следующим образом (см. *Схему 1*). Схема с уточнением относительной хронологии отделения дардской группы, но с упрощением — отсутствием графического обозначения диалектной неоднородности праязыковых континуумов — в [КОГАН 2005: 202] имеет несколько иной вид (см. *Схему 2*):

Схема 1

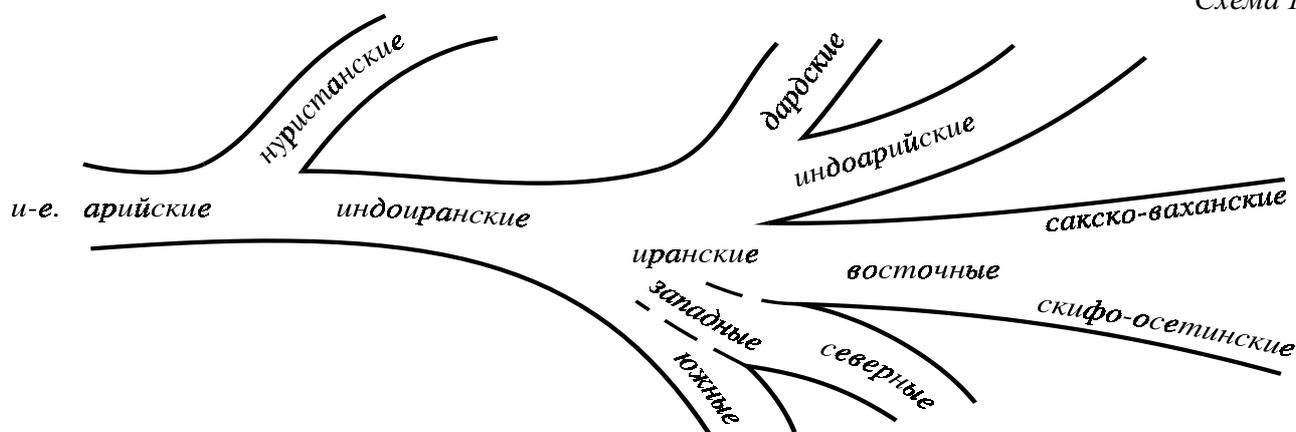
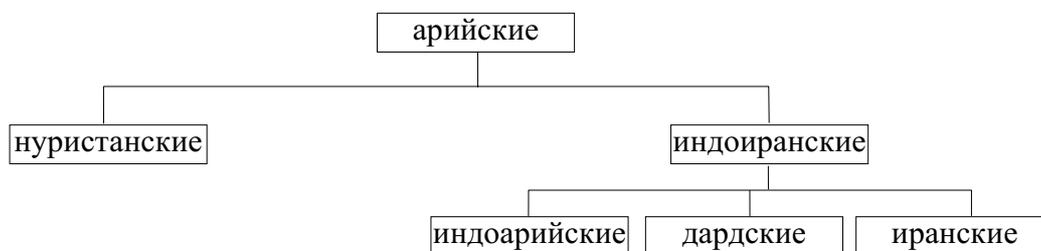

Схема 2

Отдельную проблему составляют генетические отношения иранских языков со славянскими, о чем существует большая литература. Рассмотрение сходств и различий между иранскими и славянскими языками на разных языковых уровнях — в исторической фонетике и фонологии, морфологии и синтаксисе, некоторых лексических элементах — показывают, что общих материальных инноваций между иранскими и славянскими языками, эксклюзивных для этих языков, минуя общеарийское и индоиранское состояние в истории иранских языков, не прослеживается. Следовательно нет и доказательств более тесного генетического родства, чем родство, восходящее к состоянию, общему для всей группы «сатэм» индоевропейской языковой семьи. Нет и доказательств вторичного конвергентного «средства» в рамках языкового союза в праязыковом (во всяком случае для иранских языков) периоде, хотя имеются свидетельства существования в прошлом ареальных конвергентных языковых и этнических союзов, в который входили скифо-сарматские племена и часть славян. Однако это относится к значительно более позднему периоду и охватывает лишь относительно небольшую часть ареалов распространения иранских и славянских языков. Прослеживаются также общие или сходные типологические инновации в иранских и славянских языках, интересные сами по себе, часть из них носит ареальный, контактный характер. Однако для определения степени генетического родства они не показательны (подробнее [ЭДЕЛЬМАН 2002]).

III. Генетическая классификация иранских языков.

Иранские языки — живые и вымершие — делятся на основные генетические группы, которые называются условно «западноиранской» и «восточноиранской», согласно первичному расселению ираноязычных племен (по отношению к соляным пустыням Иранского нагорья), существенно отличному от их исторического и современного распространения. Классифицирующими признаками принадлежности языков к той или иной группе традиционно считаются отражения определенных общеиранских согласных в обеих группах. Принято считать, что: 1) праиранские звонкие согласные **b*, **d*, **g* в начальной позиции сохраняются в виде зап.-иран. **b-*, **d-*, **g-*, но переходят в вост.-иран. щелевые **v-*, **δ-*, **γ-*; 2) срединные консонантные группы **-ft-*, **-xt-* сохраняются в виде зап.-иран. *-ft-*, *-xt-*, но озвончаются в вост.-иран. *-vd-*, *-γd-*; 3) праиранская **č* в анлауте сохраняется как зап.-иран. *č-*, но дентализуется в вост.-иран. *c-*; 4) праиранская **č* в инлауте сохраняется как зап.-иран. *-č-* (> *-ž-*, *-z*), но дентализуется в вост.-иран. *-c-* > *-j-*, *-z*; 5) праиранская **h-* сохраняется в западноиранских языках, но утрачивается в восточноиранских, см. [Оранский 1979: 131 и сл.].

Исследования языков обеих групп в последние десятилетия внесли, однако, некоторые коррективы в это положение. О причинах и относительной хронологии появления признака (1) уже говорилось выше. В связи с этим признак (2) предстает не как позднее озвончение древних «глухих» консонантных групп в восточноиранских языках при сохранении их глухости в западноиранских, а как дальнейший результат построения значительно более ранних арийских консонантных групп, сформировавшихся согласно «закону Бартоломе»: в восточных языках эти группы отражаются как содержавшие арийскую звонкую аспирированную (по типу **gh + t > *gdh > gd > γd*), в западных — как содержавшие звонкую неаспирированную или глухую согласную (по типу **g + t*, **k + t > *kt > xt*), то есть продолжают в отражении звонких согласных ту же тенденцию, которая наблюдается в признаке (1), подробнее см. [Эдельман СГВЯ-Ф: 57–59].

Иная относительная хронология и иные причины способствовали появлению признаков (3) и (4). Как показывают материалы языков, изучение которых относится к XX веку, рефлексам праиранской **č* в начальной и срединной позициях далеко не во всех восточноиранских языках служит *c* и наследующие ему переднеязычные согласные: большая часть языков этой группы сохраняет палатальный фокус, выявляя рефлекс в виде *č*, *j*, *ž*, *ç*, причем различия в этом плане наблюдаются даже между близкородственными языками (например, севернопамирскими), а в части западных языков отмечается отражение **č* в срединной позиции в виде *-z-*, а в начальной позиции в единичных языках — в виде *c-*. Тем самым дентализация **č* затронула лишь часть восточноиранских языков, а также единичные западные, и следовательно была относительно поздней, развившейся в разных языках независимо, под влиянием определенных типологических процессов², в некоторых случаях поддержанных ареальными артикуляционными тенденциями. Поэтому она не может служить генетическим признаком, разделяющим восточные и западные языки. То же относится к признаку (5) — сохранению или утрате **h*. Подробнее о фонологических генетических чертах этих языковых групп и о поздних явлениях см. [Эдельман СГВЯ-Ф]; [Расторгуева 1990].

В результате основными историко-фонологическими признаками, разделяющими две самые большие генетические группы иранских языков, являются в действительности только признаки (1) и (2), связанные с дальними отражениями общеарийских звонких согласных — аспирированных и неаспирированных, о которых говорилось выше.

Что касается более дробного членения — разделения западноиранских языков на северную и южную группы — оно базируется на другом историко-фонологическом признаке — различии в отражении праиранских **ś*, **ž* — общеиранских рефлексов позднеиндоевропейских палатальных **k̂*, **ĝ*, **ĝh*, и, следовательно, могло быть более поздним, чем разделение иранских языков на восточные и западные. Дивергенция восточноиранских диалектов была изначально более дробной, о чем свидетельствуют рефлексы тех же праиранских **ś*, **ž* и содержащих их групп согласных (подробнее см. [Эдельман СГВЯ-Ф: 40–47]).

² Фонетическая тенденция к дентализации была стимулирована самим происхождением праиранской **č*, восходящей — через общеарийскую **č* к общесатэмной **k* в позиции перед гласными переднего ряда и сонантом **i* (в слоговом и неслоговом вариантах). Рефлексы праиранской **č* в основной массе слов продолжают пребывать в аналогичных фонетических позициях, что в одних языках способствует сдвигу реализующих их звукотипов в дентальную зону, в других — сохранению ими мягкого, палатального характера.

Интересна в этом плане генетическая позиция языка Авесты — собрания священных гимнов зороастрийцев, то есть языка, который был живым во II тысячелетии до н. э. (разные традиции относят проповеди Заратуштры к 1700 или к 1200 годам до н. э.) и священные тексты на котором передавались тысячелетиями устно. По фонетическим признакам он не может быть отнесен однозначно ни к западной, ни к восточной ветви, поскольку отражение в нем праиранских звонких согласных в анлаутной позиции по «западному» типу могло быть результатом передачи текста западноиранскими жрецами, а в отражении срединных консонантных групп наблюдаются различия, зависящие от хронологии их происхождения: древние (в застывших формах, в лексикализованных причастиях и т. д.) отражают действие «закона Бартоломе», поздние (в относительно продуктивных или во всяком случае прозрачных формах) трансформированы по «западному» типу, возможно, также под влиянием произношения западноиранских жрецов. При этом в данном языке имеются собственные инновации, не разделяемые другими иранскими языками. Не исключено продолжение здесь третьей ветви, не дошедшей до нас в виде более поздних представителей.

Методически существенно, что все рассмотренные генетические признаки базируются на историко-фонологических данных.

Признавая общую методическую ценность морфологических изоглосс в генетической классификации языков, приходится констатировать, что при данном уровне наших знаний о живых и вымерших иранских языках и об их истории можно установить лишь относительно частотные рефлексы тех или иных древних форм в языках одной или другой группы, при этом ни одна из морфологических изоглосс не охватывает ту или иную группу языков целиком. Те морфологические (точнее, морфолого-синтаксические) изоглоссы, которые считались классифицирующими в начале XX века (например, порядок компонентов определительной конструкции имен: препозиция определения определяемому в восточноиранских языках и постпозиция его в большинстве западноиранских), уже тогда не охватывали все языки одной или другой группы. После введения в научный обиход нового материала многих не известных ранее языков, они оказались еще менее показательными.

«Чистые» генетические изоглоссы морфологического уровня, которые однозначно делили бы иранские языки на группы и подгруппы, не прослеживаются. В определенной мере это связано со спецификой истории иранских языков: раннее «упрощение» древних парадигм и существенная структурно-типологическая перестройка практически всех иранских языков после древнего периода способствовали утрате многих древних морфологических элементов, которые были свойственны праиранскому периоду и еще сохранялись в языке Авесты. К тому же отсутствие древних письменных памятников восточноиранских языков и скудость материала западноиранских — древнеперсидских — памятников не дают возможности проследить полные парадигмы древних диалектов — ни западных, ни восточных, и тем самым не дают возможности выявить соотношение древних морфологических форм и их функций. Подробнее см. [Эдельман СГВЯ-М: 257–267].

То же относится к лексическим изоглоссам: фиксировавшиеся в начале XX века, до введения в обиход материала большей части живых и вымерших языков, лексические различия между восточными и западными иранскими языками также, как выяснилось, не охватывают все языки той или иной группы, или даже большинство из них. Так, например, предполагавшиеся различия в названиях собаки: др.-иран. **spaka-* для западноиранских языков и **kuti-* — для восточноиранских, — оказались «размыты» последующими исследованиями: первое слово на деле представляет собой отражение праиранского **śya-ka-* от **śyan-* : **śun-* < и.-е. **k̑on-* : *kun-* «собака», а его собственные рефлексы наблюдаются не только в западноиранских, но и в восточноиранских языках: пушту, ваханском, скифских диалектах, хотаносакском. Часть таких различий может относиться не к диалектным, а к жанровым вариантам и представлять собой элементы диглоссии [КАЗАМА 1986], подробнее об этом говорится в другой работе [Эдельман СГВЯ-Л].

Таким образом, признавая принципиальную ценность всеуровневых или разноуровневых изоглосс для анализа генетической дивергенции языковой семьи, в частном случае иранских языков мы вынуждены, в силу специфики материала, ограничиться историко-фонетическими, точнее — историко-фонологическими изоглоссами.

IV. Методика сравнительно-исторической реконструкции в иранистике

Как известно, сравнительно-историческая реконструкция призвана воссоздать более раннее состояние языка, группы языков, праязыка для языковой группы и/или семьи. При этом праязыковая

реконструкция опирается на закономерные соответствия спонтанно развившихся рефлексов праязыковой системы в разных языках-наследниках. Это — в «чистом» виде. В случае иранской языковой семьи (как, наверное, и всякой другой — при углубленном исследовании) приходится постоянно иметь в виду различные свидетельства, как облегчающие, так и затрудняющие такую реконструкцию.

Как уже говорилось, учет в праязыковой реконструкции всех языков, а не только древних, позволил значительно «отодвинуть» в хронологическом плане общеиранское праязыковое состояние. Это относится как к относительной хронологии (общеиранское состояние стало системно ближе к общеарийскому), так и к абсолютной (предположительно, не позднее рубежа II–III тысячелетия до н.э., учитывая приблизительное время бытования языка Авесты с его уже сформировавшимися диалектными отклонениями от общеиранского, см. выше).

При этом подход к реконструированному состоянию как к некоторой системе потребовал уже осознанного привлечения приемов, относящихся к типологическому и ареальному методам. Практически эти приемы применялись в сравнительно-исторической реконструкции и прежде, еще в XIX веке, но без четкого осознания их как относящихся к другим лингвистическим методам и без учета иерархии методов в этом процессе.

Для изучения истории конкретных иранских языков и реконструкции более раннего состояния каждого из них важным оказался учет положений как структурной, так и контенсивной типологии (о содержании данных понятий см. [Климов 1973; 1977]), что позволило опираться, с одной стороны, на возможность наследования иранскими языками ряда категорий позднеиндоевропейского состояния, включая рефлекс элементов активного строя (или оппозиции «живое — неживое»), а с другой, — на развитие в большинстве из них эргативных и эргативообразных построений, а также элементов поздней активности, включая субстратные. В этом плане большую роль сыграла разработка методики внутренней реконструкции предшествующего состояния языка, базирующейся на правилах и «закономерных исключениях» языка в его синхронном состоянии, а также разработка «промежуточной» (иногда ее называют также «встречной») реконструкции более раннего состояния конкретного языка или языковой группы, опирающейся на материал синхронного состояния языка и реконструируемого древнего (вплоть до праязыкового) состояния.

Осознанное использование приемов, относящихся к типологическому методу, в сравнительно-исторической реконструкции оказалось чрезвычайно важным для изучения истории практически всех иранских языков, но в особенности бесписьменных и/или не имеющих письменной традиции, поскольку исходными данными для изучения истории таких языков могли служить только, с одной стороны, их синхронное состояние, с другой, — реконструированное праиранское, отстоящее от него на четыре тысячелетия. В таких условиях реконструкция промежуточных этапов изменения языка стала просто необходимой, а без учета данных типологии определение степени вероятности той или иной предшествующей системы или того или иного изменения едва ли было бы возможным. Это относится к изучению и изменения языковой системы в целом, и изменения отдельных элементов или функций унаследованных элементов, аранжировки их роли в системных изменениях и др. (что отражено, в частности, в коллективных монографиях [ОИТИИЯ 1975]; [ОИЯ 1979–2008]).

Немалую роль в изучении истории иранских языков сыграл также учет ареального фактора, что важно в условиях их разбросанности на обширном пространстве, где они неавтохтонны, различных конвергентных процессов в разных регионах, наслоении разных иранских языков на разносистемные субстраты, адстратное влияние других языков, включая влияние одних иранских языков на другие, особенно со стороны языков, наиболее престижных в данном месте в данную историческую эпоху, и т. д. Этот фактор отражается практически на всех языковых уровнях, что особенно заметно в языковых союзах, в которые входит часть иранских языков или входила в разные эпохи. В некоторых случаях ареальный фактор влияет и на историко-фонологические изменения, вызывая к жизни некоторые изоглоссы, затеняющие сравнительно-историческую картину филиации языковой группы и отдельных подгрупп.

Так, например, для древней эпохи в западном ареале были характерны северо-западные заимствования в древнеперсидском языке (преимущественно из мидийского языка, престижного в определенный исторический период), но для последующих периодов, начиная со средневековья, важным фактором стали заимствования из персидского языка (ставшего наиболее престижным) в северо-западные языки и диалекты, что — при фонетическом сходстве слов — затемняет картину

спонтанного изменения фонетики этих языков. Обилие заимствованной лексики и влияние ареальной фонетики (и фонологии) долгое время вызывали дискуссию о генетической принадлежности «малых» островных иранских языков Центральной Азии: парачи и ормури. Их причисляли то к северо-западной, то к восточной группе, к последней — благодаря обилию восточноиранской и дардской лексики и ареальной фонологии. И только глубокий всесторонний анализ с учетом их разновременных контактов с разными (не только иранскими) языками и с разделением изменений «домиграционного» и «послемиграционного» периодов в их истории позволил на основании историко-фонетического анализа отнести их к реликтовым северо-западным языкам-пришельцам (подробнее см. [Ефимов 1986, 14–17, материал: 27 и сл.; 1997: 420–423, материал: 424 и сл.]).

Другой пример: ареальная группа, состоящая из части восточноиранских языков и единичных западноиранских и входящая в Центральноазиатский языковой союз, вырабатывает фонологический ряд церебральных фонем, инвентарь которого отличен от индоарийского аналогичного ряда, но совпадает в целом с субстратным — языка бурушаски. При этом часть церебральных фонем в исконном материале закономерно продолжает определенные праиранские консонантные группы.

Интересен в методическом плане историко-фонетический пример перехода праиранской $*d > l$ в ряде иранских языков региона Гиндукуша (в пушту, мунджанском, йидга, бактрийском). Этот переход традиционно рассматривался в ряде трудов как генетически общий, объединяющий эти языки в генетическую подгруппу, отличную от других иранских языков. Были также попытки объяснить аналогичный переход $*d > l$ в иранских языках других ареалов влиянием бактрийского языка или их особой генетической близостью с бактрийским. При этом не учитывалось, что особое близкое родство языков, входящих, в свою очередь, в одну семью, определяется, как известно, не артикуляционным сходством рефлексов единичного древнего прототипа, а системностью таких рефлексов и их сочетаемостью с другими системными же рефлексами в тех же языках, то есть совокупностью системных инноваций, отличающих данную группу языков от других языков этой же семьи, менее близких генетически.

Однако привлечение других, не иранских, языков ареала Восточного Гиндукуша показало, что здесь переход $*d > l$ — ареальное явление, присущее разным языкам данного региона, независимо от их генетической принадлежности, не только иранским. Кроме того, он связан с определенной типологией фонологических структур и фонетических изменений³: в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой $*\theta$, неустойчивым оказывается и статус звонкого звукотипа $*\delta$ (наследующего $*d$ и $*t$ в определенных позициях). В результате дентальные смычные легко переходят в l (как в указанных языках), в r (в татском, кумзари, диалектах башкарди, талышского и других языков), в z (в языке яссов, в части персидских диалектов), в d (в персидском, таджикском и др.). Ареальный фактор в виде артикуляционных навыков способствует фонологическому закреплению того или иного фонетического рефлекса.

Особую роль в «нарушении» или трансформации спонтанного изменения иранских языков принадлежит влиянию субстратов, особенно явно прослеживаемому в осетинском языке [АБАЕВ ОЯФ; 1956] и в языках Центральноазиатского языкового союза, в разных его регионах [ЭДЕЛЬМАН 1980]; [ГРЮНБЕРГ, СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1974].

Таким образом, в изучении истории иранских языков особую наглядность приобретает положение о том, что использование результатов, полученных при помощи приемов, относящихся к другим методам сравнительного изучения разных языков — типологическому, ареальному, — способствует уточнению и совершенствованию сравнительно-исторического метода. Это дает возможность сделать его наблюдения более реалистичными и объяснительными.

Как уже говорилось выше, сравнительно-историческое исследование языков иранской семьи, проводившееся в последние десятилетия в плане изучения истории как отдельных языков, так и основных генетических групп, создало достаточно прочную базу для создания описания в этом аспекте всей иранской семьи в целом. Грамотное и продуманное использование в этом описании результатов, полученных иными методами — типологическим и ареальным, будет способствовать более полному и реалистичному анализу непростой истории этой языковой семьи.

³ К типологии переходов дентальных смычных согласных в l , r см. также: в разных иранских языках [ЭДЕЛЬМАН 2006], в разговорном английском языке [СКАЕР, СОСЕИ АНГИА 2007], в русских диалектах и в других языках мира [КАСАТКИНА 2004].

Литература

- АБАЕВ ОЯФ — В. И. АБАЕВ. *Осетинский язык и фольклор*. М., 1949.
- АБАЕВ 1956 — В. И. АБАЕВ. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX. М.
- АБАЕВ ИЭСОЯ — В. И. АБАЕВ. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: М. – Л., 1958; т. II: Л., 1973; т. III: Л., 1979; т. IV: Л., 1989; Указатель: М., 1995.
- АБАЕВ 1962 — В. И. АБАЕВ. Сравнительно-историческое иранское языкознание // *Очерки по истории изучения иранских языков*. М.
- АБАЕВ 1965 — В. И. АБАЕВ. *Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада*. М., 1965
- БЕЛИКОВ 1972 — В. И. БЕЛИКОВ. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // *Памирские языки и фольклор* I. Душанбе.
- ГРЮНБЕРГ, СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ 1974 — А. Л. ГРЮНБЕРГ, И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л.
- ЕЛИЗАРЕНКОВА 1974 — Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА. *Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков*. М.
- ЕФИМОВ 1986 — В. А. ЕФИМОВ. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. М., 1986.
- ЕФИМОВ 1997 — В. А. ЕФИМОВ. Парачи // *ОИЯ* 1997.
- КАСАТКИНА 2004 — Р. Ф. КАСАТКИНА. Эти странные вибранты (некоторые проявления апикоальвеолярных артикуляций в русском языке) // *Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. РЕФОРМАТСКОГО*. М.
- КЛИМОВ 1973 — Г. А. КЛИМОВ. *Очерк общей теории эргативности*. М.
- КЛИМОВ 1977 — Г. А. КЛИМОВ. *Типология языков активного строя*. М.
- КОГАН 2000 — А. И. КОГАН. *Генетическая характеристика дардских языков*. АКД. М.
- КОГАН 2003 — А. И. КОГАН. Отношения дардских и индоарийских языков: тесное родство или языковой союз // *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы*. Тез. докл. междунар. научн. конференции. МГУ. М.
- КОГАН 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.
- ОИТИИЯ 1975 — *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I–II. М..
- ОИЯ 1979–2008 — *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 1979; *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 1981; *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Западная группа*. М., 1982; *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа*. М., 1987; *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа. I*. М., 1991; *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II*. М., 1997; *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. М., 2008.
- ОРАНСКИЙ 1979 — И. М. ОРАНСКИЙ. *Иранские языки в историческом освещении*. М.
- РАСТОРГУЕВА 1964 — В. С. РАСТОРГУЕВА. *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*. М.
- РАСТОРГУЕВА 1990 — В. С. РАСТОРГУЕВА. *Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология*. М.
- РАСТОРГУЕВА, МОЛЧАНОВА 1981 — В. С. РАСТОРГУЕВА, Е. К. МОЛЧАНОВА. Среднеперсидский язык // *ОИЯ* 1981.
- РАСТОРГУЕВА, ЭДЕЛЬМАН 1981 — В. С. РАСТОРГУЕВА, Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Иранские языки // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы*. М.
- СЕМЕРЕНЬИ 1980 — О. СЕМЕРЕНЬИ. *Введение в сравнительное языкознание*. М.
- СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ ЭСВЯ — И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ. *Этимологический словарь ваханского языка*. СПб., 1999.
- ЭДЕЛЬМАН 1968 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков)*. М.
- ЭДЕЛЬМАН 1976 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений // *Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В. И. АБАЕВА)*. М.

- ЭДЕЛЬМАН 1980 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // *Вопросы языкознания*, № 5.
- ЭДЕЛЬМАН 1982 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // *Вопросы языкознания*. № 1.
- ЭДЕЛЬМАН СГВЯ-Ф — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. М., 1986
- ЭДЕЛЬМАН СГВЯ-М — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М., 1990.
- ЭДЕЛЬМАН СГВЯ-Л — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика* [в печати].
- ЭДЕЛЬМАН 1992 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // *Вопросы языкознания*. № 3.
- ЭДЕЛЬМАН 1996 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Свидетельства «малых» языков об истории языковой семьи (на примере «Этимологического словаря иранских языков») // *Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология, литературоведение, культурология, лингвистика, искусствоведение*. М.
- ЭДЕЛЬМАН 1999 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Индоиранские языки // *Языки мира: Дардские и нуристанские языки*. М.
- ЭДЕЛЬМАН 2002 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. М.
- ЭДЕЛЬМАН 2006 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Артикуляционная фонетика и типология историко-фонетических процессов (к ламбдаизму и ротацизму в иранских языках) // *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. ГРЮНБЕРГА (1930–1995)*. СПб.
- ЭСИЯ — В. С. РАСТОРГУЕВА, Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2003; Т. 3. М., 2007.
- ЮСУФБЕКОВ 1998 — Ш. П. ЮСУФБЕКОВ. *Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы*. М.
- BAILEY DKS — H. W. BAILEY. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge–London–New York–Melbourne, 1979.
- BARTHOLOMAE 1895–1901 — Chr. BARTHOLOMAE, *Vorgeschichte der iranischen Sprachen* // *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd I, Abt. I. Strassburg.
- BUDDRUS 1977 — G. BUDDRUS. Nochmals zur Stellung der Nulristan-Sprachen des afghanischen Hindukusch // *Münchener Stud. Sprachwiss.* H. 36.
- CLI 1989 — *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden.
- KAZAMA 1986 — K. KAZAMA. A Phase of the History of Indic // *JIES*. Vol. 14, № 3–4.
- KNOBLOCH 1965 — J. KNOBLOCH. Concetto storico di protolingua e possibilità e limiti di applicazione ad esso dei principi strutturalistici // *Le «Protolingue»*: Atti del IV Convegno Internazionale di linguisti. Milano.
- KUIPER 1978 — F. B. J. KUIPER. Rec.: G. MORGENSTIERNE. Irano-Dardica // *IJJ*. 1978, Vol. 20, № 1/2.
- MORGENSTIERNE 1945 — G. MORGENSTIERNE. Indo-European *k̂* in Kafiri // *NTS*. Bd 13.
- MORGENSTIERNE EVSh — G. MORGENSTIERNE. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.
- MORGENSTIERNE ID — G. MORGENSTIERNE. *Irano-Dardica*. Wiesbaden, 1973.
- MORGENSTIERNE IIFL — G. MORGENSTIERNE. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. I–IV. Oslo, 1929–1973.
- SKAER, SOSEI ANIYA 2007 — P. M. SKAER, SOSEI ANIYA. Alveolar Tap Allophones in English: a Phonology-Phonetics Interface View of Consonant Lenition // *Фонетика сегодня*. Материалы докладов и сообщений V Международной конференции 8–10 октября 2007 года. М.

Summary

Languages of the Iranian family, whose speakers over the centuries have dispersed throughout various regions of Eurasia and contacted both among themselves and with speakers of other language families, have undergone significant typological changes; this presents a serious challenge for their historical comparative treatment. The present article discusses such problems as (1) areal and temporal stratification of Proto-Iranian, regarded as a dialectal continuum; (2) stages of branching of the Aryan subgroup of Indo-European which eventually led to the appearance of Iranian as an autonomous entity; (3) genetic classification of the Iranian branch; and (4) various related methodological issues of comparative linguistics.